

ИНТЕРВЬЮ · ОБЩЕСТВО

«И на переднем плане появляется новое разбитое стекло»

Тая Зубова снимает кино о тех, кто вынужден бежать из России, Украины и Беларуси. Разговор с режиссером к премьере фильма «Территория без войны»

Режиссёр Тая Зубова. Фото из личного архива

16:23, 21 февраля 2024,

Ирина Халип

спецкор «Новой газеты Европа»

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

У режиссера Тая Зубовой всё было хорошо: первая же короткометражка презентована в российском павильоне на Каннском фестивале. Была работа, были планы. А потом она собрала вещи и уехала. И начала с нуля.

24 февраля 2022 года Тая поняла, что должна снимать документальное кино о войне. Вернее, о тех, кто страдает от войны, независимо от гражданства. Ее первый документальный фильм «Травма свидетеля» **вышел** на сайте «Новой газеты Европа» в октябре 2022 года, в разгар мобилизации. А сегодня на телеканале «Дождь» — премьера ее нового фильма «Территория без войны» о фонде «Пристаниште» в Черногории, который помогает тем, кто пострадал от войны, независимо от их гражданства. Герои «Территории без войны» — украинцы, россияне, белорусы. А дальше будет художественный фильм — о том же самом. О войне и насилии.

Накануне премьеры Тая Зубова ответила на вопросы «Новой-Европа».

Илья в Берлине, у Инны собака, у Кирилла ребенок

— Герои вашего нового фильма — украинцы, россияне, белорусы. Те, кого не разделила, а странным образом объединила война. И выбор темы очевиден и логичен. Но почему ваш предыдущий фильм «Травма свидетеля», который вы начали снимать сразу после начала полномасштабного вторжения, не об украинцах, а о россиянах? Мне казалось, что первое желание после 24 февраля у всякого снимающего или пишущего человека — немедленно начинать собирать истории украинцев.

— Вы правы, у меня было именно такое желание — снимать истории украинцев. Более того, 24–26 февраля 2022 года я пыталась выстраивать маршруты, чтобы помочь украинцам

выехать в Европу. Я в тот момент жила в Словакии, мы сразу начали собирать гуманитарную помощь, и было очевидно, что нужно помогать украинцам всеми доступными способами. Я верстала сайты с возможными маршрутами, но параллельно происходил такой слом — граждане Украины перестали доверять всему, что связано с Россией и россиянами. У меня первоначально был сайт с «хвостиком» .ru, и мне ребята сказали: никто не будет доверять маршрутам на таком домене, переставляй немедленно, если хочешь помочь.

Люди были настолько глубоко травмированы, что им стало сложно делиться историями. Было ясно, что нужно снимать, и я стала искать героев, которые были бы готовы говорить. Совершенно случайно я вышла на проект «Ковчег». В «Ковчеге» были украинцы, но россиян было больше.

И поскольку я сама была свидетелем, а не участником, и видела происходящее по новостям, я поняла, что истории травмированных войной россиян тоже достойны того, чтобы их кто-то заснял.

— Это были россияне, которые очень быстро уехали из своей страны, напавшей на другую страну. Я прекрасно понимаю, насколько это трудно — мгновенно принять решение и бежать в неизвестность, притом что тебя не бомбят, дом не горит, кофейни работают и вообще внешне жизнь не слишком-то меняется. Но ваши герои рванули фактически с одним рюкзаком подальше от дома. А что с ними сейчас?

— Мы с ними дружим и постоянно общаемся. В первом фильме есть, к примеру, герой Илья, которому был 21 год, и он уехал в Стамбул с пятью тысячами рублей в кармане. Это было меньше

ста евро. Сейчас он живет в Берлине, работает помощником продюсера и участвует в создании очень интересных проектов. На Новый год он приезжал вместе с Инной, которая сейчас живет в Сербии. У Инны пока еще не так удачно всё сложилось, она еще не нашла себя в новой жизни. Зато она завела маленькую собачку. Другая моя героиня, чей муж с родственниками выезжал из Украины, живет с семьей в Польше, занимается волонтерской деятельностью.

Кадр из фильма Таи Зубовой: автостанция в Будве (Черногория), на которой волонтеры фонда Pristaniste встречают новоприбывших гостей

Кирилл из издания «Довод» живет вдалеке от семьи, к сожалению. У него уголовное дело, он успел уехать. А в России у него родился еще один ребенок — когда Кирилл уезжал, у жены был совсем маленький срок беременности. И вот за два года он только один раз смог встретиться с семьей и увидеть своего второго ребенка. Он сейчас в Черногории, ждет гуманитарную визу в Германию. Надеюсь, когда получит, семья сможет наконец воссоединиться.

Чтобы он не стал убийцей

— Когда вы заканчивали «Травму свидетеля», вы уже планировали снимать новый фильм?

— Нет, я не собиралась делать продолжение, хотя «Территория без войны» и выглядит вторым фильмом цикла. А тогда я просто поехала в тур с «Травмой свидетеля». **Фильм** тот вышел на сайте «Новой газеты Европа» как раз одновременно с объявлением мобилизации. И огромное количество зрителей в разных странах — это как раз те, кто бежал после объявления мобилизации. Они приходили на просмотры, и, надеюсь, им становилось легче от понимания того, что люди на экране уже прошли этот путь, а значит, и у них всё получится. Показ в Черногории помогал организовывать фонд «Пристаниште», и в зале оказалось большое количество не только россиян, но и украинцев. До того я была в Армении, Грузии, Турции, и там аудитория состояла из уехавших россиян. А тут неожиданно — россияне и украинцы вместе в зрительном зале. Мне было страшно показывать фильм, я не знала, как его воспримут. Сидела спиной к залу и боялась. Но на титрах были овации, и для меня это стало большим удивлением: я не ожидала, что украинцы так хорошо воспримут фильм про россиян.

Потом я ближе познакомилась с фондом, с его волонтерами, и на мое решение снимать фильм повлияли два человека: волонтер Маша из Украины и администратор Наташа из России. Маша стала для меня своего рода тьютором, а Наташа рассказывала истории подопечных фонда. Они меня сильно вдохновили, и я уверилась в том, что этот фильм может быть снят. В течение недели была сформирована идея, я нашла героев, стала понимать, как и где снимать. Это было настолько быстро, будто я попала в поток. Потом я нашла первые деньги в Сербии — это были просто частные пожертвования от людей. Около месяца шли съемки. А потом был очень длительный процесс поиска денег на постпродакшн, и это заняло почти год.

— А каким образом в фильме оказались еще и белорусы?

— Мне очень понравилось, что в фонде «Пристаниште» помогают всем, независимо от гражданства. Война в Украине совпала с массовыми репрессиями в Беларуси. Конечно, белорусов под опекой фонда можно было пересчитать по пальцам, а украинцев были сотни. Тем не менее они были и есть. Белорусская повестка, к сожалению, на фоне всего, что происходит в мире, уходит в тень, и я надеюсь, что мой фильм сможет помочь направить фонарик и в эту сторону.

Кадр из фильма про фонд Pristaniste

— После «Травмы свидетеля» вы в одном из интервью говорили, что следующий фильм будет жестче. Но он совсем не жесткий.

— Я уже получила обратную связь от режиссера Виталия Манского, который сказал: «Твои фильмы для людей, которые

не готовы смотреть более жесткие фильмы. Всё как будто мягче подано, чем есть в реальности». Это не то чтобы сделано специально — просто там часть моей души, а я очень хочу увидеть какую-то надежду в конце туннеля. Может быть, я так выбираю героев, а может быть, ракурс, но я всё время пытаюсь показать, что есть взаимная поддержка, есть вещи, которые нас всех объединяют.

Мы очень часто за ужасами реальности забываем о том, что есть хорошего в каждом из нас.

Хотя последние кадры моего фильма кому-то могут показаться безнадежными. Там волонтер фонда убирает разбитое стекло, через которое повествуется о разбитых судьбах героев, все садятся пить чай, а потом камера отъезжает, и на переднем плане появляется новое разбитое стекло. Это новые войны, которые приходят в мир.

— Вы связывали этот финальный кадр с террористической атакой ХАМАС на Израиль?

— Да, я этот кадр досняла именно после атаки на Израиль. Изначально фильм должен был заканчиваться более оптимистично. Я сама сейчас нахожусь на Балканах, где совсем недавняя история связана с войнами. Здесь выше уровень базового насилия. Вроде 30 лет прошло, но все болезненные воспоминания, все трагедии по-прежнему свежи. Мы не можем себе представить, насколько длинен этот хвост, который влияет на людей следующих поколений, и сколько еще лет и поколений понадобится, чтобы прийти к примирению — даже если война каким-то чудом закончится быстро.

— А что может стать основой примирения, на ваш взгляд?

— Нас всех объединяет то, что мы любим своих близких. Как-то так получилось, что родители любят своих детей. И, может быть, это сможет уменьшить количество ненависти в мире. У меня в фильме многие истории зеркальны: есть мама, которая вывозит своего ребенка из Мариуполя, чтобы его не убили, и есть другая мама, которая вывозит своего уже 21-летнего ребенка из России, чтобы он не стал убийцей.

Режиссёр Тая Зубова за работой над фильмом. Фото из личного архива

«Подожди, сначала депутат от “Единой России”»

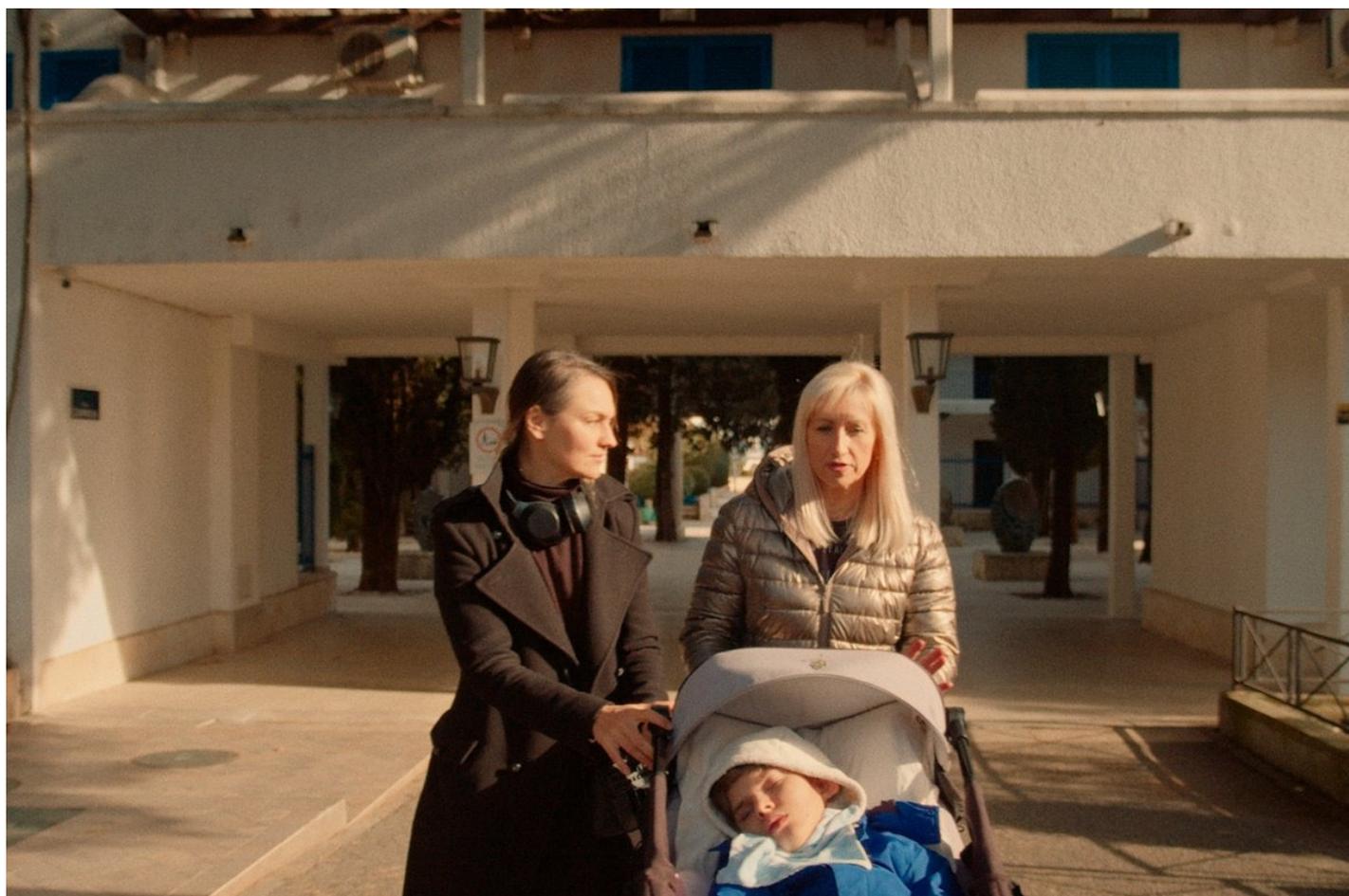
— Вы сами стали человеком с той самой травмой свидетеля значительно раньше, чем началось полномасштабное вторжение. Вы уехали восемь лет назад, притом что в России у вас всё складывалось отлично. Что заставило вас еще тогда принять решение и уехать?

— Было два момента, которые заставили меня принять это решение. В 2013 году я снимала короткометражный фильм «Рыба моя». Один из эпизодов снимался на побережье Крыма. Сам фильм вышел в 2015 году, и мы поехали на Каннский кинофестиваль. В российском павильоне после презентации фильма была пресс-конференция, и глава Роскино задала мне вопрос: «Крым наш?» Было настолько странно, что мне задают этот вопрос. И я поняла, что на самом деле меня спрашивают о другом: ты называешь это аннексией или присоединением? Ты с нами или против нас?

Вроде ничего трагического не случилось, но я вышла с той пресс-конференции на ватных ногах и поняла, что не хочу ничего общего иметь с этими людьми.

А потом еще был показ фильма в Доме кино. Мы собрали тысячный зал. Поскольку фильм был сделан благодаря краудфандингу, нужно было пригласить всех, кто помогал. Так что это был наш зал, мы собрали своих зрителей, чужих не было. И когда я выходила на сцену, меня остановили и сказали: «Подожди, сейчас выступит депутат от “Единой России”, а потом уже пойдешь ты». Государственных денег в этом проекте не было, фильм был полностью снят на деньги крауд-акционеров, и этот странный пиар «Единой России» стал вторым и последним сигналом для меня.

Уже через неделю я собрала вещи и уехала. В Европе я начала всё с нуля, и это было очень сложно. Мне понадобилось несколько лет, чтобы прийти в себя. И то, чем я занимаюсь сейчас в документалистике, — это продолжение той самой темы, которую я хотела бы разрабатывать в игровом кино.

Кадр из фильма про фонд Pristaniste

— **Вы собирались снимать художественный фильм о войне?**

— Я начала работу над игровым фильмом «Поток» о поколении миллениалов — людей, родившихся в перестройку и обнаруживших себя втянутыми в войну на стороне страны-агрессора. Это кино о взаимосвязи домашнего и политического насилия. Фильм «Поток» будет построен на частной истории семейной пары, где у каждого посттравматический синдром после эпизодов насилия в прошлом. Героиня была свидетельницей многолетнего домашнего насилия со стороны своего отца. Герой попал под каток государственной машины репрессий.

Действие фильма затрагивает 2012–2015 годы. У моих героев была надежда на перемены во время митингов на Болотной площади, но после первых уголовных дел они были вынуждены покинуть Россию. История будет рассказывать, как, несмотря на то, что им удалось уехать из страны, их прошлое не позволяет

им начать новую жизнь, а затягивает в новый виток насилия уже друг над другом. Это будет история о двух травмированных людях, одна из которых выбирает замереть и терпеть из-за выученной беспомощности, а второй — примкнуть к сильным и самому стать насильником.

Частная история героев «параллелится» с историей России и показывает на примере одной семьи, почему после полномасштабного вторжения одни решили отмалчиваться, а другие примкнули к убийцам. Это фильм о взаимосвязи домашнего насилия с насилием политическим. Я попытаюсь ответить на вопрос, почему с тем бэкграундом, который есть у страны, мы не вышли в демократическое общество, а вернулись к насилию.